Ворёнок

Энди Ка

Andy Ka
Ворёнок

https://litres.ru/74749012
SelfPub; 2026

Аннотация

Михаил Романов, потомок царского дома в четвёртом поколении, возвращается из Лондона в Париж. В тоннеле останавливаются часы, а в купе подсаживается попутчик, который говорит по-русски и пьёт чай, от которого не идёт пар. Он рассказывает сказку, кончающуюся плохо, и не договаривает фразу. Дорога заканчивается, но вопрос, который в ней прозвучал, остаётся с Михаилом. И с теми, кто читает.

Содержание

Глава 1. Дорога 5
Глава 2. Попутчик 10
Глава 3. Сказка 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Andy Ka
Ворёнок

Дисклеймер: действия рассказа разворачиваются в параллельной реальности. Все случайные совпадения с реальными местами, ныне живущими и здравствующими, а также почившими историческими фигурами, все исторические события, поступки и мотивы персонажей остаются на совести мультиверса.

Глава 1. Дорога

Поезд вышел из Лондона в сумерках, и когда Михаил Романов убрал телефон в карман, за окном не осталось ничего,

кроме его лица в стекле. Лицо было спокойное, правильное, чуть более взрослое, чем ему хотелось бы. Он давно заметил, что держится слишком прямо для своих двадцати двух лет, и давно перестал с этим бороться. Так его научили сидеть еще в детстве, за обедами в Сент-Женевьев-де-Буа, где каждый стул в столовой помнил чьи-то спины и чьи-то обиды.

В Лондон он ездил по делам бюро на три дня, и все три дня его принимали за обычного молодого русского архитектора. Это было приятно. Он никому не называл фамилии без нужды. Фамилия, сказанная вслух, меняла лица: собеседники начинали смотреть осторожно, чуть выше его плеча, словно за спиной у него стоял кто-то более важный. Потом разговор приходилось долго возвращать в прежнее русло.

Телефон зазвонил перед самым тоннелем.

– Ты в поезде? – спросила тетя Ольга. Она всегда спрашивала это так, будто поезда были делом сомнительным и требовали отчета.

– В поезде, тетя. Через два часа буду в Париже.

– К завтрашнему ужину не опоздаешь. Владыка Прокопий будет, и Кирилловы приедут, так что надень темный костюм. Не тот, в котором ты выглядишь как банкир, а другой.

– У меня один темный костюм.

– Значит, тот, – согласилась она с таким вздохом, словно уступала что-то важное. – И в среду панихида, ты помнишь. Не придумывай, что у тебя занятия.

Он помнил. Панихида бывала в среду каждый год, и каж-

дый год он приезжал и стоял в третьем ряду, между дядей и двоюродной сестрой, слушая, как хор тянет «вечную память» над именами, которые он знал с детства лучше, чем имена собственных учителей. Государь Николай Александрович. Государыня. Царевны. Царевич Алексей. Имен было много, и все они были его, как фамильный дом, в котором нельзя ничего переставить и из которого нельзя выехать.

– Мы же четвертое поколение в изгнании, Миша, – сказала тетя, как говорила всегда, когда хотела закончить разговор чем-то непререкаемым. – Нельзя себе позволить быть несерьезными.

– Я не несерьезный, тетя.

– Ты задумчивый. Это хуже.

Он улыбнулся в трубку. Тетя Ольга была последней в семье, кто говорил о Церкви «наша» с гордостью и легким вызовом: «Мы не московские, Миша, мы вселенские. Нас никто не назначал, мы сами пришли». Это была ее главная мысль о мире, и повторяла она ее по любому поводу, от выбора свечей до выбора мужа для двоюродной сестры.

Поезд вошел в тоннель. Связь оборвалась на полуслове, и в трубке остался сухой шорох, похожий на шаги по песку. Михаил посмотрел на часы над дверью купе: без четверти девять. Он отвернулся к окну, где теперь действительно не было ничего, и снова посмотрел на часы. Все еще без четверти девять.

Он решил, что часы встали.

Тоннель тянулся долго, дольше, чем следовало. Михаил откинулся на спинку и закрыл глаза, и память, которую он не звал, подсунула ему одну из тех картин, что возвращались к нему всю жизнь.

Ему шесть лет, он стоит на цыпочках перед иконой в углу гостиной. Лампадка горит неровно. Тетя Ольга сидит в кресле у окна, в шелковом платке, завязанном под подбородком, как она носила его в любую погоду, и дядя за столом – тоже в глухом воротнике, застегнутом на все пуговицы. В доме так ходили все, и он долго думал, что это просто привычка рода, как привычка садиться прямо. Бабушка, которой давно нет, держит его за плечо и говорит по-русски, медленно, чтобы он понял каждое слово: «Мы, Миша, должны много. Мы всю жизнь должны». Он спросил тогда, кому. Бабушка не ответила, только перекрестила его – быстро, как смахивают что-то с одежды.

Позже были другие картины. Страница из альбома: Ипатьевский дом в Екатеринбурге, снятый со стороны улицы, окна, занавешенные изнутри. Выцветшая открытка с трехсотлетия: толпа на Красной площади, тринадцатый год, колокола, которых на открытке не слышно. Дядя в гостиной, объясняющий кому-то, что «мы в долгу не перед большевиками, а перед историей». Он говорил это так, будто долг был расписан по статьям.

Всю жизнь Михаилу казалось, что он живет в долг. Не денежный: денег в семье было ровно столько, чтобы о них не

говорить. В другой, в невидимый и неоплатный. Он никому об этом не рассказывал. Слишком уж это походило на жалобу, а в их доме не жаловались.

Телефон ожил: связь вернулась. Он открыл глаза и сразу услышал, что тетя Ольга, которая, судя по экрану, не клала трубку, говорит голосом совсем другим, тихим и чуть растерянным:

– Береги душу, Миша. Остальное приложится.

– Что? – спросил он.

– Ничего. Я ничего не говорила. До среды.

Она отключилась. Он долго смотрел на потемневший экран, потом на часы. Время стояло.

Поезд замедлил ход. Тоннель давно должен был кончиться, а за стеклом все еще не было ничего, но теперь это «ничего» стало другим: не черным, а серым, как предрассветный воздух, хотя до рассвета было далеко. Колеса стукнули раз, другой, и состав встал.

Станции не было. Не было платформы, не было огней, не было голосов в коридоре. Стояла тишина, в которой где-то тикало что-то металлическое, но не часы над дверью: те молчали. Михаил почувствовал, что не боится. Это его удивило. Было другое чувство, давно знакомое и никогда прежде не такое острое: будто он сидел в приемной, куда его вызвали, и вот сейчас назовут его имя.

Дверь купе открылась.

Глава 2. Попутчик

В дверях стоял старик с потертым кожаным чемоданом.
– Прошу прощения, – сказал он по-французски, потом по-

смотрел на Михаила, замолчал и добавил по-русски, негромко, будто пробуя слово на вкус: – Позволите?

– Конечно, – ответил Михаил и сам удивился тому, как обрадовался.

Это была знакомая радость эмигрантского ребенка, годами слышавшего родную речь только дома и вдруг получающего его на улице, от чужого человека, в неурочный час. Старик поставил чемодан на полку, сел напротив и некоторое время просто устраивался – медленно, как люди, которым торопиться некуда. Был он невысок, сухощав, в темном пальто старого покроя, с шерстяным шарфом, замотанным высоко, до самого подбородка. Лицо у него было из тех, что невозможно запомнить: светлые глаза, обычные морщины и отсутствие бросающихся в глаза примет.

– Иван Дмитриевич, – представился он. – Можно просто так. Имени-отчества мне хватает, а фамилию давно не вспоминал.

– Михаил.

– Очень приятно, Михаил. Вот и поехали, – сказал старик, хотя поезд еще стоял.

И поезд тронулся, словно вспомнив о своих обязанностях. За окном побежали огни – обычные, желтые, французские. Михаил не заметил, когда исчезла серая пустота. Часы над дверью шли и показывали двадцать минут десятого, как будто так было всегда.

– Как вы угадали, что я русский? – спросил он.

– А вы подумайте, как вы сидите.

Михаил засмеялся. Старик улыбнулся тоже – краем губ.

Проводник принес чай в тонких стаканах с металлическими подстаканниками, какие Михаил не видел с детства. В «Евростаре» таких не подают, но он удивился лишь на секунду и тут же забыл об этом. Старик взял свой стакан обеими руками, подержал, как греют руки в холод, и поставил на столик. Михаил отпил из своего и спросил, откуда старик едет.

– Отовсюду понемногу. Раньше жил в Москве, потом в разных местах. Все время кажется, что вот-вот вернусь, а возвращаться некуда. Дом не тот или человек не тот.

– Мне это знакомо, – сказал Михаил. – Моя семья уже четвертое поколение за границей. Мы говорим «дома», а имеем в виду что-то, чего нет.

– А что есть?

– Квартира в Париже. Собор. Люди, которые знают, как меня зовут.

– Это немало, – сказал старик серьезно. – Многим и этого не дано.

Он расспрашивал мягко, ни о чём не спрашивая прямо. Чем занимается Михаил: учится, работает в архитектурном бюро, любит ли свою работу. Как живет: один, в небольшой квартире, по воскресеньям у тетки. Есть ли друзья. Была ли девушка. Михаил отвечал и все время ловил себя на том, что говорит больше, чем собирался. Не оттого, что старик

выпытывал, а оттого, что слушал так, как слушают, наверное, только детей: без нетерпения, без желания вставить свое.

– А ваша семья? – спросил Михаил, когда понял, что рассказал уже почти все о себе. – Родные у вас есть?

– Был у меня отец, – сказал старик после короткой паузы. – Да и мать была.

Он сказал это так просто, что переспрашивать было неловко. Михаил кивнул, и они оба сделали вид, что это ответ.

Странности он замечал не сразу и по одной, как замечают, что в доме давно нет какой-то вещи. Что стакан у старика полон, а пар над ним не идет. Что шарф не сдвинулся ни разу, хотя в купе было душно. Что от сэндвичей, которые предлагал проводник, старик отказался так вежливо и так быстро, будто его спросили о чем-то неприличном. А потом, когда он потянулся поправить шарф, его руки – красивые, с длинными пальцами – на секунду оказались перед темным стеклом, и в стекле Михаил увидел себя, свой стакан, свою неестественно прямую спину. А напротив, на сиденье, – только складку пальто. Он моргнул, и все стало как было.

– Вы не едите? – спросил он, чтобы сказать хоть что-нибудь.

– Давно не нуждаюсь, – ответил старик и добавил, словно поймав себя: – В моем возрасте, знаете, аппетит уходит вместе с остальным.

– А сколько вам?

– Много, – сказал Иван Дмитриевич и перевел разговор.

Он рассказывал о Москве, какой ее помнил: о колоколах, о первом снеге на кремлевских стенах, о людях, которые ходили по улицам так, будто знали, что все временно. Говорил и о Константинополе, где, кажется, никогда не бывал, но вспоминал его как отнятый дом: Святую Софию, купол, что держится будто на одной молитве. «Знаете, чем велика была эта церковь? Тем, что ей было куда падать. А та, что никогда не падала, еще не знает, на чем стоит». Михаил подумал о тете Ольге с ее «мы не московские, мы вселенские» и невольно улыбнулся.

Старик шутил. Говорил, что русские лучше всех народов умеют жить на чужом, потому что своего у них толком никогда и не было. «Все мы тут временные, Михаил. Даже стены».

Он говорил по-русски чуть старомодно, но не нарочито, не так, как говорят в кино. Раза два вставил слова, которых Михаил не слышал много лет: «ужо», «поди». Один раз, глядя в окно, пробормотал на церковнославянском строку, которая с детства сидела у Михаила в памяти, хоть он не смог бы ни повторить её, ни объяснить: «…до третьего и четвертого рода».

– Что? – спросил он.

– Так, привычка. Старые люди разговаривают сами с собой.

Они ехали молча. Огни за окном стали реже. Михаил смотрел на свои руки на столике и вдруг сказал то, чего не говорил никому:

– Вы знаете, мне всегда казалось, что я живу в долг. Что-то взял, не помню что, и не знаю у кого. Все вокруг ведут себя так, будто все в порядке. А у меня чувство, что счет растет.

Он тут же пожалел о сказанном, но старик не удивился и не стал утешать. Он только кивнул – медленно, как кивают, услышав то, чего давно ждали.

– Это не болезнь, – сказал он наконец. – Это слух.

– Слух?

– У одних он есть, у других нет. Ничего особенного. Просто некоторые слышат, как в доме скрипит пол.

Он посмотрел на Михаила долго, и в этом взгляде не было ни жалости, ни любопытства, а было что-то похожее на усталую нежность.

Михаил помолчал. Он вдруг понял, что за весь разговор так и не назвал фамилии. Это вышло само собой: он давно привык, что фамилия, сказанная вслух, меняет лицо собеседника, и потом долго не удается вернуть разговор в прежнее русло. Сейчас ему впервые захотелось, чтобы с ним говорили так, будто фамилии не существует. И в то же время захотелось проверить, что будет, если она все-таки существует.

– Иван Дмитриевич, – сказал он, – а вы знаете, кто я?

Старик не удивился и не улыбнулся. Он ответил, как отвечают на вопрос о времени, когда часы лежат в другом кар-

мане:

– Пока нет. Но у нас долгое путешествие.

В этом «пока» не было ни угрозы, ни кокетства. Михаил почему-то подумал о человеке, который стоит перед закрытой дверью и знает, что ключ ему выдадут позже, когда придет срок. Он хотел спросить, что это значит, но поезд мягко вошел в поворот, и вопрос ушел вместе со стуком колес.

– Хотите, расскажу вам одну сказку? – спросил старик. – Дорога длинная.

Глава 3. Сказка

– Это старая сказка, – начал Иван Дмитриевич. – В ней нет ни волшебников, ни кладов. Рассказывают ее редко: кон-

чается она плохо, а у нас любят, чтобы хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.